

ВЛАДИМИР
ТОРИН

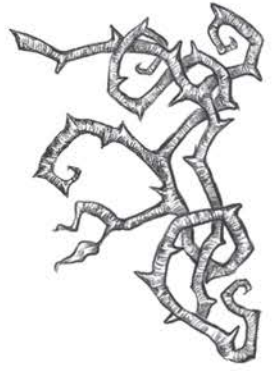
ОЛЕГ
ЯКОВЛЕВ

МИСТЕР
ВЕЧНЫЙ
КАНУН

МИО

УЭЛИХОЛН

ГЛАВА 1

ДОМ,
МИЛЫЙ ДОМ

Багровый, как дорожка свежей крови, поезд полз между серыми холмами вересковых пустошей. Он выкашливал пар из трубы локомотива, скрипел и скрежетал, да и вообще выглядел так, будто вот-вот развалится, но, несмотря ни на что, упрямо пробирался все дальше и дальше на восток. Вагоны качались из стороны в сторону, колеса стучали по рельсам, угрюмо светились рыжие глаза-окна.

Туман вплотную подступал к поезду, и человеку впечатлительному могло бы показаться, что в нем проглядывают зыбкие очертания фигур в пальто и шляпах, а иной, кроме белесой бесформенной мглы, ничего бы там не увидел.

За одним из окон последнего вагона, в единственном купе во всем поезде, где не горел свет, виднелась чья-то голова. Голова эта прислонилась к стеклу, лицо было прикрыто темно-зеленой твидовой шляпой. Человек спал. Хотя спать ему оставалось недолго.

— Проснись... — едва слышно пролепетал тоненький птичий голос.

— Проснись... — вторил ему другой.

— Проснись... — подключился третий.

Черное одеяло, которым укрылся спящий человек, зашевелилось, и оказалось, что оно будто бы сплетено из угольных птичьих перьев, — да и не одеяло это было вовсе: человека в купе сплошь облепили черные птицы! Коготки царапали кожу сквозь одежду, тонкие острые клювики тыкали и кололи грудь, плечи, руки, и с каждым мгновением эти уколы становились все болезненнее. На костюме появились дыры, из пальто полезли нитки, а на рубашке, впитываясь в ткань, проступила кровь. Одна из птиц вонзила клювик между ребрами спящего человека. Он вздрогнул и заворочался, и тогда птицы начали тлеть и сворачиваться, распадаясь пылью, как засыхающие опавшие листья. Черное одеяло исчезло, словно его никогда и не было, но голоса продолжали звучать:

— Проснись, проснись, проснись... Проснись!

Шепот превратился в пронзительный крик, колеса вагона ударились о стык между рельсами, вагон трянуло, и Виктор Кэндл очнулся.

Он убрал шляпу с лица, потер заспанные глаза и сел ровно. Зевнув в кулак, Виктор легонько помассировал онемевшую от неудобной позы шею.

В купе было холодно и темно: керосиновая лампа на откидном столике потухла. За окном туман затянул собой все видимое пространство, и Виктору показалось, что, пока он спал, мир за пределами поезда исчез. Временами вдалеке вспыхивали и сразу же гасли огни, словно пустоши подмигивали не до конца проснувшемуся пассажиру, — это были то ли семафоры на параллельной ветке железной дороги, то ли просто фонари рабочих с болот, то ли...

Виктор вдруг почувствовал шевеление напротив и повернул голову — то, что он увидел, заставило его проснуться окончательно...

Птицы из его полузабытого, рваного сна марки «Сидячий дорожный сон» не остались где-то там, в вотчине дремы, а перебрались следом за ним в купе. Всего птиц этих было около двух дюжин — они раскачивались на скрипучих жердочках в небольших клетках и, судя по всему, принадлежали пожилой даме, сидевшей рядом с ними. Дама глядела в окно и шепотом пересчитывала вспыхивающие в тумане огни на пустошах.

Выглядела попутчица довольно причудливо. Она куталась в серую шерстяную шаль, настолько длинную и кашлатую, что благодаря ей напоминала огромный сгорбленный ком пыли. На крючковатом носу старухи сидели очки с толстыми стеклами, из-за которых ее глаза казались просто громадными, но самым странным в попутчице была дряхлая остроконечная, с мятыми полями шляпа, какие не носят уж лет этак двести.

Виктор нескромно уставился на шляпу и ее хозяйку, пытаясь понять, откуда они здесь взялись, ведь он точно помнил, что перед тем, как заснул, он был в купе один — только он и его страхи, присыпанные, будто кофе корицей, тревожными догадками о ближайшем будущем, о прибытии и о людях, которых он давно не видел.

Когда же старуха здесь появилась?

Виктора вдруг посетила странная мысль, что попутчица уселась напротив буквально за одно мгновение до того, как он проснулся. А перед этим просочилась в вагон сквозь какую-то щель в виде клока тумана. Или — попытался он умирить воображение — все обстояло намного прозаичнее, и она просто пересела из другого купе.

Виктор снова зевнул.

— Здравствуйте, — поздоровалась попутчица, оторвавшись от созерцания туманных холмов. Голос ее был густым и вязким, как мед в горшочке.

— Здравствуйте, мэ. Вы не будете против, если я зажгу лампу?

Положив шляпу на столик, Виктор потянулся к карману за спичками, но попутчица покачала головой.

— О, я была бы против, — дама кивнула на свои клетки. — Мои любимцы не слишком жалуют яркий свет. У них, понимаете ли, очень чувствительные глаза...

— Это кто у вас? — вежливости ради поинтересовался Виктор. — Дрозды? Хотя они больше похожи на маленьких воронов...

— О! Ни те и ни другие, молодой человек! — дама внезапно обрадовалась: очевидно, питомцы являлись ее излюбленной темой для разговора. Она всем телом повернулась к клеткам и склонилась над ними, едва не задев прутья стеклами очков. — Это черные катарки — редчайшие и красивейшие птицы! Помимо меня, в Англии их разводит лишь сэр Макторкок из Лэк-Эдина, что на границе с Шотландией.

Виктор вгляделся в птиц. То, что черные катарки редкие, он допускал, поскольку никогда о них прежде не слышал, но вот по поводу их красоты он бы поспорил: обладатели тонких клювиков и матовых глаз выглядели, как застывшие сгустки смолы.

— Значит, вы их разводите...

— Да, а потом нахожу для них новые домики. Мои малыши нуждаются в заботе и уходе... — Тут попутчица оторвала взгляд от птиц и вонзила его в Виктора. — Прошу простить мою неучтивость. Юджиния Хэтти... Мисс Юджиния Хэтти.

— Виктор Кэндл, — представился Виктор.

— Едете в Уэлихолн? В отпуск или по работе?

«Лучше бы она продолжала нахваливать своих птичек», — подумал Виктор. Он не слишком-то любил откровенничать с первыми встречаемыми, но закон вежливости, к его большому сожалению, никто не отменял. Парадоксальный закон вежливости... В свое время он не помешал Виктору устроить скандал — по сути, сбежать из дома и уехать в столицу без материнского благословения, — но при этом сейчас обязывал отвечать какой-то незнакомой старухе.

— Еду домой. К празднику.

— К празднику? — недоуменно подняла брови мисс Хэтти, а потом улыбнулась: — А, Канун! Ну конечно!

— А вы? — спросил Виктор, хотя, по правде, ему не было дела: сейчас все его мысли занимало другое. Стоило удивлению от неожиданного возникновения попутчицы отступить, как к нему вернулись его прежние страхи. Скоро он придет домой. Скоро он увидит Ее. Интересно, Она ему что-то скажет? Или молча вышвырнет за порог?

— А я... — мисс Хэтти глядела в пустоту перед собой. Она также сейчас находилась мыслями где-то далеко. — Меня позвали... Я не была в Уэлихолне много-много лет и еще столько же не появлялась бы, но подарочки... да, подарочки, которыми они меня заманили, стоят поездки. Стоят того, чтобы я собрала свою любимую ковровую сумку и своих малышей в дорогу.

«Странный ответ», — подумал Виктор — зловещие нотки в голосе этой чудаковатой женщины пробудили в нем неясную тревогу. Что-то с ней все же было не так...

— Я еду повидать внуков, — добавила мисс Хэтти, и Виктор про себя усмехнулся собственной мнительности. — Давно не видела маленьких негодников — совсем позабыли старую.

Виктор поглядел в окно — все те же туманные холмы, все те же огни, что порой на них вспыхивают...

Мисс Хэтти продолжила рассказывать о своих внуках, но он ее не слушал. Виктор думал о том, что его ждет, гадал, не совершил ли ошибку, и спрашивал себя: «Зачем... ну зачем ты едешь домой?» Сердце настойчиво твердило: «Ничего хорошего тебя там не ждет».

Семь прошлых лет он отправлял открытки к праздникам, и этого всегда хватало. Из дома приходили пространные и душевные, чем-то

напоминающие выдержки из личного дневника письма сестры, яркие и пестрые самодельные открытки младших членов семьи и добродушные, беззаботные, подчас анекдотичные послания дядюшки. Еще были письма от отца, в которых между строк проглядывала неизбывная тоска: когда Виктор читал отцовские письма, его не покидало ощущение, что он вовсе не держит в руках покрытый чернилами лист бумаги, а стоит перед распахнутым в холодное утро окном...

Ему писали почти все, только Она — никогда.

В этом году Виктор, как обычно, домой не собирался — у него было много работы, близился праздник, тем более господин редактор требовал осветить шумиху вокруг Хэллоуинского Дерева, которое неизвестно откуда появилось вдруг ночью в Гринвичском парке. Виктору не терпелось увидеть все своими глазами — еще бы, ведь на этом дереве росли... тыквы.

Он влез в пальто, подхватил саквояж с фотоаппаратом и портативным фонографом; шляпа заняла положенное ей место на растрепанных рыжих волосах. Наматывая на шею шарф, он уже повернулся было к выходу, когда... в щель для писем в двери протиснулся коричневый конверт. Падению конверта на круглый зеленый коврик сопутствовала бой дедушкиных часов в гостинной и грохот взволнованного сердца.

Виктор застыл в нелепой позе, будто персонаж на фотографии, выхваченный из жизни в момент пляски с шарфом. Он не спешил брать конверт, поскольку уже знал, откуда именно тот пришел, а еще его посетило неприятное предчувствие: кажется, Хэллоуинскому Дереву в Гринвичском парке не доведется сегодня раскрыть ему свои тайны.

Виктор пришел в себя, нагнулся и подобрал конверт.

Получатель:

«Мр. Виктор Кэндл, Роудвуд-парк, 34, Лондон, Соединенное Королевство».

Отправитель:

«Мисс Бетти Сайзмор, Крик-Холл, Уэлихолн, графство Эссекс, Соединенное Королевство».

Все верно, письмо из дома. Но кто такая эта Бетти Сайзмор?

Пальцы Виктора дрожали, когда он вскрывал конверт и разворачивал письмо. С одной стороны, его одолевало любопытство, но с другой, ему совсем не хотелось узнавать, что внутри... Любопытство взяло верх, и он словно откинул крышку колодца, которым лет восемьдесят не пользовались: из письма тянуло затхлостью, сыростью и... опасностью. Оно было чертовски странным, это письмо. Почерк был незнаком.

«Дорогой Виктор!

Я догадываюсь, какой ворох чувств вызвал у тебя указанный на конверте адрес отправителя и какое недоумение — стоящее там имя. Поэтому сперва хочу признаться: Бетти Сайзмор не существует — я выдумала ее, поскольку не могу выдать себя, если письмо попадет не в те руки...

Я пишу тебе с просьбой — нет, с мольбой! — о помощи, ведь, кроме тебя, я больше никому не могу доверять. Любой из тех, кто здесь живет, может участвовать в том, что грядет...

Ты должен приехать как можно скорее! В Крик-Холле что-то затевается... На праздник приглашены опасные и безжалостные личности, и вскоре дом будет многолюден как никогда. Некто по имени Иероним... Он уже здесь, хотя все отрицают это. Он бродит среди нас, но все делают вид, что его нет.

Это письмо, я полагаю, застало тебя врасплох, тебя переполняют сомнения, но, к сожалению, я не могу раскрыть в нем всего (не те руки поблизости!). Когда ты переступишь порог дома, ты сам все поймешь!

Прошу, поверь: все это не розыгрыш и не уловка, чтобы заманить тебя в Уэлихолн. Если ты не откликнешься, то надеяться мне больше не на кого. Поспеши! Будь осторожен и, молю тебя, внимли!

Р. С. Когда приедешь домой, никому не говори о письме. Помни: Иероним!»

Подпись отсутствовала — лишь внизу было выведено: «Крик-Холл». К письму прилагался билет на поезд. И... все. Подлинная загадка, загаданная в нескольких чернильных строках.

Виктор несколько раз перечитал письмо, но ничего так и не выяснилось. Что все это значит? Кто на самом деле скрывается под псевдонимом «Бетти Сайзмор»? В чем именно могут участвовать обитатели дома? Что грядет? И еще Иероним этот странный...

Несмотря на любопытство, он не собирался делать то, что просил неизвестный отправитель... не собирался, а затем словно какая-то незримая сила заставила его забыть обо всем, о чем он думал перед тем, как открыл конверт, и вспомнить о жизни, которую он называл кратко «То, вчера», всегда предпочитая сменить тему, когда кто-то о ней заговаривал. Эта незримая сила толкнула его в спину, буквально вышвырнув за порог лондонской квартиры, и понесла напрямик на вокзал. Вот так он и оказался в этом поезде, в этом вагоне, в этом самом купе...

Дверь купе неожиданно открылась. Ее стук оторвал Виктора от тяжелых мыслей, а мисс Хэтти — от рассказа о весьма посредственных достижениях ее неинтересных внуков. На пороге стоял высокий человек в длинном сером пальто и шляпе. Руки мужчины безвольно повисли вдоль туловища, он ссутулил плечи и выдвинул вперед шею. На бледном лице читалась смертельная усталость.

Незнакомец принес с собой холод. Сквозняк прошелся по ногам Виктора, и ему стало зябко. На коже выступили мурашки, изо рта при дыхании начал подниматься пар: должно быть, кто-то из пассажиров открыл окно в конце вагона, а проводник и не заметил.

С появлением мужчины в пальто птицы мисс Хэтти начали вести себя странно — в них словно что-то вселилось: пернатые принялись прыгать и мельтешить по своим клеткам, оббивая крылья о прутья.

— Гвинн... — проговорил незнакомец заунывно, будто зевая. — Гвинн Моулинг. Вы знаете ее?

— Э-э-э... Нет, простите, — непонимающе ответил Виктор и поглядел на мисс Хэтти. Птичница пристально смотрела на незваного гостя.

А тот будто бы и не услышал ответа.

— Моя милая Гвинн... — со стоном продолжал он. — Она была несчастна и сделала то, что сделала. Я не виню ее. Но... Гвинн, моя милая Гвинн... Как же я хочу тебя увидеть вновь.

Сложившаяся ситуация показалась Виктору крайне нелепой.

— Простите, мы не знаем Гвинн, — сказал он твердо. Таким тоном он обычно разговаривал с назойливыми коммивояжерами. — Будьте добры, закройте дверь. Здесь настоящий сквозняк. Холодно!

Мужчина в пальто не ответил. Он просто повернулся и пошагал по проходу прочь.

— Эй!

Виктор резко поднялся на ноги; задетая им шляпа упала со столика на пол. Подойдя к двери, он выглянул в проход. Там никого не было. Мужчина, спрашивавший о Гвинн, вероятно, зашел в соседнее купе. Виктор раздраженно поморщился и затворил дверь. А затем вернулся на свое место у окна.

— Ваша шляпа, молодой человек. — Попутчица услужливо протянула Виктору его головной убор.

— Благодарю. — Взяв шляпу, он кивнул на закрытую дверь. — Странно, правда?

— Не вижу ничего странного. Они все возвращаются домой...

Ее ответ лишь усугубил абсурдность происходящего.

— Кто «они»?

— Те, кто покинул дом.

— Да уж... — пробормотал Виктор и подумал: «Спрашивается, и почему нельзя говорить по-человечески, как в Лондоне? Вот она, неумолимо приближающаяся чертова родная провинция с ее чудаками».

— Вы не знаете, сколько еще осталось до Уэлихолна? — спросил он, сомневаясь, что получит внятный ответ.

— Станция Уэлихолн будет через четыре часа тридцать восемь минут, — не задумываясь ни на мгновение, ответила мисс Хэтти. Должно быть, у нее где-то под шалью тикал идеально точный хронометр или она просто сказала первое, что пришло ей в голову. Виктор не стал вдаваться в подробности.

— Тогда вы не против, если я посплю где-то... м-м-м... четыре часа тридцать пять минут?

— Как я могу быть против вашего сна? — попутчица прищурилась. — Но вы должны помнить, что сон в пути опасен.

— Чем же? — удивился Виктор.

— Вы полагаете, что просто засыпаете и едете себе дальше, а потом просыпаетесь, и жизнь продолжается как ни в чем не бывало, так? А вот и нет! Не понимаете? Пока вы спите, произойти может всякое. К примеру, поезд свернет куда-то не туда и вы придете в такое место, о котором лучше даже не задумываться. Или еще хуже: быть может, вы никогда так и не проснетесь, а вместо вас на вашей станции, прикидываясь вами, сойдет кто-то другой. Пока подлинный вы где-то там — потеряны в темном купе какого-то поезда в пустошах... — Мисс Хэтти поправила очки и вдруг рассмеялась. — О, не смотрите так — да я же шучу, разумеется... А если серьезно, то все же стоит порой быть чуточку менее беспечным: вы не можете знать, кто зайдет в ваше купе, пока вы спите, кто сядет напротив и какая встреча не значит ничего, а какая значит... что-то.

Виктор кивнул, непонятно с чем соглашаясь. После чего вновь надвинул шляпу на лицо и закрыл глаза. И хоть он не доверял этой явно сумасшедшей женщине (она запросто могла что-то украсть или вытворить еще какую-нибудь пакость), его успокоил следующий мрачный вывод: «Вряд ли со мной сейчас может случиться что-нибудь хуже возвращения домой, которое вскоре меня ожидает. И может быть, даже лучше, если поезд свернет не туда или вместо меня на станции сойдет кто-то другой. И тогда кто-то другой вместо меня придет домой. И все, что намечается, свалится на него...»

С этой логичной мыслью он и заснул.

Поезд качнулся и встал. Виктор тоже качнулся и стукнулся головой о стекло. Шляпа слетела с макушки и упала на лампу, будто на специально предназначенную для нее подставку.

— Уэлихолн! — за окном раздавался трубный, как гудок паровоза, голос встречающего пассажиров станционного смотрителя. — Уэлихолн!

Виктор оглядел купе — никого... Пустое сиденье напротив выглядело тоскливо и даже несколько угрюмо. Не было ни намека на то, что там вообще кто-то недавно находился: пернатый или же в очках и нелепой остроконечной шляпе.

Виктор похлопал себя по карманам, после чего проверил замки на саквояже. Похоже, птичница все же была не из тех, кто обирает сонно-доверчивых попутчиков: и бумажник, и билет, а также — он удостоверился отдельно — письмо от Бетти Сайзмор никуда не делись.

Виктор вдруг поймал себя на том, что уже в пятый раз открывает и закрывает защелки на саквояже. Ему совершенно не хотелось надевать пальто и обматывать шею этим удушающим шарфом. Не хотелось вставать и куда-то идти...

Мимо окна прошел станционный смотритель в шинели и фуражке. В руке он держал колокол, заливающийся, как кот, которому прищемили дверью хвост. Гаркнув очередное «Уэлихолн», служащий вокзала привел Виктора в чувство.

«Неизбежное, как говорит шеф, неизбежно, — подумал он, — поэтому или ты выпустишь тираж, или тебя сдадут в тираж — третьего не дано. Так что отрывай задницу от сиденья, Кэндл, и вперед».

— Вперед, — поморщился Виктор с презрением к самому себе и своей нерешительности.

Он поднялся рывком, будто бы отклеивая себя от сиденья. Мгновение — на пуговицы пиджака. Мгновение — на пальто. Шарф — спиралью вокруг шеи. Переместить шляпу с лампы на макушку, не забыть саквояж...

Виктор сошел с подножки на мощный плиткой перрон и погрузился в утренний туман и паровозный пар. Он мгновенно утонул в толпе отпавляющихся, встречающих, носильщиков с их вездесущими тележками и продавцов с их не менее вездесущими переносными лотками. И вдруг в этом шевелящемся в серых клубах многоголовом, многоногом и многочелюстным существе Виктор Кэндл увидел это лицо.

Было видно, что она заготовила совершенно иную реакцию — быть может, даже холодность, строгость и едкую обиду, — но стоило им встретиться взглядом, как на ее губах сразу же расплылась широкая улыбка, и Виктор вспомнил, почему в детстве называл ее лягушонком.

Правда, сейчас она мало чем напоминала ту костлявую, несуразную одиннадцатилетнюю девчонку, которую он оставил здесь семь

лет назад. Перед ним стояла красивая девушка в узеньком бордовом пальтишке. Волосы цвета воронова крыла торчали длинными прядями-перьями из-под красной вязаной шапки. Больше Виктор ничего разглядеть не успел...

— Вик!

Она бросилась ему на шею с такой порывистостью, какая возникает лишь в последний момент и которую нельзя запланировать заранее.

Виктору стало неловко.

— Здравствуй, кроха Крис, — пробормотал он в ухо сестре — или, точнее, в прядь черных волос, закрывающих это ухо. — Я тоже очень рад тебя видеть, но обниматься с дорожной сумкой в руке, знаешь ли, не очень удобно.

Кристина Кэндл отстранилась и снова сделала «лягушонка».

— Занудой был — занудой и остался. А я-то думала, университет и Лондон тебя изменили!

— Боюсь, это им оказалось не под силу.

Люди вокруг толкались. Туфли ступали по ногам Виктора, чемоданы бились окованными углами в его бока. Порой кто-то бурчал «извините», но чаще пассажиры даже не замечали причиненных ими неудобств. На станции было слишком людно для такого маленького города, как Уэлихолн, и в основном перрон заполнили прибывшие. Виктор решил, что, как и он, они приехали к празднику, который только здесь, кажется, и умеют отмечать.

Сестра рассматривала его не моргая. Виктор потупил взгляд: он не мог долго смотреть в эти беспросветно черные глаза — такие же глаза, как у Нее.

— Ладно, пошли скорее отсюда.

Кристина подхватила тяжеленный саквояж брата и с показной легкостью потащила его прочь с перрона, мимо выплевывающих последних пассажиров вагонов, больших часов и билетных касс. Виктор следовал за сестрой, как собачонка на поводке, и они уже почти покинули здание вокзала, когда вдруг кое-что привлекло его внимание.

На одной из скамеек зала ожидания он заметил знакомую фигуру. Виктор мог бы поклясться, что видел остроконечную шляпу

и блеснувшие площадки очков, но стоило между ним и бывшей попутчицей пройти какому-то торопящемуся пассажиру, как на том месте, где она только что вроде находилась, никого не оказалось.

— Эй! — раздался сопровождаемый щелчком пальцев возглас от дверей. Это Кристина пыталась привлечь его внимание. — Я понимаю, что ты домой не торопишься, но у меня еще дела в городе — нужно по дороге заехать за Крендельком.

— Твой ухажер? — невесело усмехнулся Виктор, подойдя к сестре. Вслед за ней он протиснулся через старую вращающуюся дверь. — Ты называешь его Кренделек? Как омерзительно мило...

— Ха! Можно сказать, ухажер — хлопот от него не меньше! — Кристина звонко рассмеялась. — Крендельком его называю только я. За то, что он ворует крендельки из блюда в гостиной. Вообще, он любит, когда его величают Коннелли, — он у нас птица тщеславная. Сейчас Кренделек у ветеринара — какая-то напасть с глазами. Отдали позавчера. Сегодня не только ты возвращаешься домой.

— Ты что, завела канарейку?

Округлившись глаза сестры можно было использовать в качестве двух печатей под документом, заверяющим, что Виктор — болван.

— Почему канарейку? Коннелли — кот!

— Ну ты что-то говорила о тщеславной птице, я и подумал...

— Это же фигура речи! А вы ведь у нас репортер, мистер Кэндл, — вам ли не знать таких вещей! Канарейка, хм...

— Отстань. — Виктор насунился. Он не виноват в том, что сейчас почти не соображает и будто бы плывет по ветру, как один из этих влажных туманных ключев, в ожидании, пока его не принесет к порогу, который он с радостью обошел бы стороной.

Кристина снова шелкнула пальцами — судя по всему, это была ее новая вредная привычка. Раньше, как он помнил, она то и дело чесала нос, причем всей пятерней, что выглядело жутковато.

— Помнишь «Драндулет»? — спросила сестра с улыбкой, ткнув пальцем в громадину, которая стояла у входа в здание вокзала.

Виктор застыл. Это был он...

